

Вера Петровна Желиховская

Сон в руку

Фантастические рассказы

Вера Желиховская

Сон в руку

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Сон в руку / В. П. Желиховская — «Public Domain»,
1896 — (Фантастические рассказы)

«...Любопытство превозмогло голод. Я оставила свою комнату, но вместо столовой прошла к мужнину кабинету и остановилась у дверей в недоумении. Я знала, что ничего не совершаю незаконного, – у нас не было тайн. Через полчаса он рассказал бы мне сам, в чём дело. Я услышала незнакомый, мужской голос, который авторитетно говорил: – А я утверждаю истину! Жена ваша не имеет прав на этот капитал. Он завещан прадедом её князем Рамзаевым наследникам его старшей дочери лишь на тот случай, если по истечении пятидесяти лет не окажется наследников его меньшого сына...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вера Петровна Желиховская

Сон в руку

Святочный рассказ

I

Было 24 декабря. Снег валил хлопьями с утра, а к вечеру приморозило, и луна ярко светила с проясневшего неба, когда мы с мужем вернулись домой, усталые, проголодавшиеся.

Нам приходилось устраивать своё хозяйство наново в городе, где я родилась и провела всё своё детство, но который оставила давно и не видала много лет. Мы едва успели устроиться, когда подоспели праздники. Даже в сочельник, кроме разъездов для праздничных необходимых закупок, пришлось нам побывать в нескольких мебельных складах, – не экономии ради, а лишь потому, что я обожаю старинные вещи.

Однако несмотря на усталость, приходилось ещё поработать до позднего обеда; я терпеть не могла беспорядка. Надо было указать самой, куда ставить вновь купленные вещи. Когда двое людей внесли тяжёлую, старинную кушетку красного дерева на львиных ножках и со львиною головой, свирепо глядевшей из-под мягкой штофной ручки, – я с минуту колебалась. Она была куплена для кабинета мужа; но оригинальный фасон её, удобные изгибы, всё, – даже до своеобразного рисунка её серой обивки, расшитой пёстрыми шелками, – мне так понравилось, что я попросила его уступить её мне... Мне казалось, что на ней удивительно приятно полежать, в часы досуга, в dolce far niente, с книгой в руках; помечтать в сумерки, любуясь огоньком в камине, а не то – грешным делом, и подремать, уютно прислонясь к ловко выгнутой мягкой спинке.

Муж смеялся над моей фантазией.

– Этот прадедовский диван так велик, – сказал он, – что займёт всю твою уборную. Да его прежде необходимо перебить: крысы съели всю бахрому!

– И это очень жаль! – отвечала я. – Бахрома и старый штоф на нём прекрасны!.. Деды и бабушки наши понимали истинный комфорт и вкус имели изящный... Я уверена, что эта кушетка вышла из хорошей мастерской. Обивать её вновь я не стану, – это было бы святотатством! А просто велю подновить бахрому и кисти.

И так громоздкая кушетка была водворена в моём кабинете, комнате, которую муж мой, не признававший необходимости письменных занятий для жены, упорно называл «уборною»; а на стену над кушеткой я прибила лампу с матовым абажуром, собственно для удобства моих чтений.

Звезда, путеводительница Волхвов, давно просияла на морозном небе. Постные щи и кутья давно были поданы и съедены; человек два раза приходил докладывать, что «кушать подано», а у меня всё ещё находилось то одно, то другое дело, я всё ещё устраивала и переставляла вещи, то отходя, то снова возвращаясь. Я бы не медлила, если б не уверенность, что Юрий Александрович занят; я слышала голос его в другой стороне дома, – всё равно пришлось бы ждать его. Но среди моих хлопот и возни меня начинало интересовать, почему он, такой всегда пунктуальный, медлит и на кого сердится?.. Голос его раздавался раздражённее и громче. Он с кем-то имел крупное объяснение...

Любопытство превозмогло голод. Я оставила свою комнату, но вместо столовой прошла к мужнину кабинету и остановилась у дверей в недоумении. Я знала, что ничего не совершаю незаконного, – у нас не было тайн. Через полчаса он рассказал бы мне сам в чём дело.

Я услышала незнакомый, мужской голос, который авторитетно говорил:

– А я утверждаю истину! Жена ваша не имеет прав на этот капитал. Он завещан прадедом её князем Рамзаевым, наследникам его старшей дочери лишь на тот случай, если по истечении пятидесяти лет не окажется наследников его меньшого сына, князя Павла Рамзаева. Наследница князя Павла существует, – как я имел уже честь докладывать, – это внучка его, дочь родного его сына, мисс Рамсей...

– А я вам говорю, что всё это ложь! Что вас самого обманули какие-то авантюристки, которые надеются помощью созвучия фамилий воспользоваться не принадлежащим им! – сердито возражал мой муж, ходя большими шагами по неустроенному ещё кабинету, между связками бумаг и книг разложенных по полу, открытыми ящиками и зияющими шкафами. – Доказательства должны бы сохраниться, – а их нет!

– А кольцо? – прервал посетитель. – А печать?

– И кольцо, и печать легко могут быть украдены, и подделаны, и всяческою случайностью могли попасть, после смерти Рамзаева, первым встречным. Должны были быть документы, бумаги, законные свидетельства...

– Но если я вам говорю, что они сгорели!.. Пожар всё уничтожил, когда муж госпожи Рамсей ещё был ребёнком. Они в том не виноваты! Конечно, повторяю, законных доказательств и документов на право наследства у них нет. Но – всякий по себе судит – я взялся переговорить с вами о их правах, известить о них вашу супругу, потому что я, будучи уверен в их личностях, отдал бы им их собственность... Это достоверно.

– Не менее достоверно и то, что и я бы поступил точно так же, – высокомерно возразил мой муж, и я уже слышала в его тоне знакомую мне нотку гнева, который он не всегда умел сдерживать, – если бы я был уверен в этом! А я не только не уверен, но вполне сознательно отвергаю всякую возможность такого факта... Как?.. Чтобы существовали законные наследники капитала, отложенного прадедом моей жены, и – пятьдесят лет зная об этом – молчали о своих правах?! Чтоб этому поверить – надо быть помешанным или...

– Или?.. Что же?.. Доканчивайте, милостивый государь!

– Что ж? И dokonчу!.. Или надо быть самому заинтересованным в успехе этого... необыкновенного предприятия.

– Другими словами: мошеннического предприятия, хотели вы сказать? – со сдержанным гневом прервал посетитель. – Так я должен вам сказать...

Но тут я, в смертельном страхе за исход этого дурно разыгрывавшегося объяснения, неожиданно вошла в комнату, чтоб прервать его до беды.

– Обедать подано, друг мой! – сказала я, будто не замечая нашего посетителя.

Но он сам встал и почтительно поклонился. Я увидала пожилого человека, с загорелым, открытым лицом, обросшим бородою, с честными серыми глазами, прямо смотревшими в глаза каждому. Его форменный сюртук сказал мне, что он моряк, и, как было по всему видно, моряк испытывавший не одну бурю морскую и житейскую.

Я тут же успокоилась. Юрий вспылит – это правда, но гость его не из тех, что готовы вспыскивать по первому шероховатому прикосновению.

Я отвечала на поклон и посмотрела на мужа, ожидая, что он назовёт его.

Юрий Александрович проговорил неохотно:

– Капитан Торбенко. Только что прибыл из кругосветного плаванья и явился к нам уполномоченным какой-то англичанки, госпожи Рамсей, имеющей претензию быть вдовой твоего дяди, князя Рамзаева.

– Какого именно? – осведомилась я. – Двоюродного?.. Сына дядюшки моего отца, – князя Павла?

– Так точно-с, – подтвердил моряк.

И обратясь, с готовностью повторил всё мною слышанное из-за дверей.

– Что же! Очень может быть! – сказала я. – Если это правда, то без сомнения дама эта или дочь её имеют право на отложенный прадедом нашим капитал.

– Вот!.. Это именно то, что я имел честь доказывать вашему супругу! – обрадовался Торбенко, и всё лицо его расцвело широкой улыбкой.

– Конечно!.. Девушка эта ведь такая же правнучка князя Петра Павловича Рамзаева, как и я!

Тут мой муж нахмурился.

– То есть это что же значит? – спросил он, сердито на меня уставившись. – Не хочешь ли ты по первому слову какой-то самозванки, подарить капитал в сорок тысяч?.. Ведь десять тысяч князя Петра, в пятьдесят-то лет, должны возрасти более чем вчетверо.

– Во сколько бы они ни возросли, деньги эти бесспорно должны принадлежать княжне Рамзаевой, если она существует.

– Да! *Если* она существует! – гневно рассмеялся мой муж, в то время как его собеседник, не воздержавшись, радостно протягивал мне руку.

Я подала ему свою, улыбаясь.

– Я знал! Я знал, что вы будете моего мнения! – повторял он, пожимая мне руку, да так, что пальцы мои беспомощно хрустнули в его заскорузлых ладонях.

– Ещё бы! Точно так же, как и Юрий Александрович! – сказала я. – Двух мнений о таком простом деле у честных людей и быть не может.

– Без сомнения. Только для этого надо, чтоб личности, имеющие претензию носить имя и титул твоих предков – представили на них свои несомненные права!

Моряк вскочил и, прямо на меня глядя, спросил:

– Вам, конечно, известны печать и герб князей Рамзаевых, сударыня?

– Разумеется! У меня и теперь бабушкина печать, которую она наследовала от отца своего.

– Так вот-с. Не угодно ли вам посмотреть и решить: что это такое?

Торбенко вынул из кармана тщательно сложенную бумажку, с оттиском на ней небольшой, особенно отчётливо выдавленной печати.

– Это несомненно герб князей Рамзаевых! – не колеблясь подтвердила я.

Моряк чуть не подпрыгнул от восторга и повернулся к мужу, торжествуя.

– Да кто же в этом сомневался? – вскричал сердито Юрий. – Это не только печать Рамзаевых, но весьма вероятно, что она сделана именно кольцом князя Павла, как вы то утверждаете. Но что же это доказывает?.. Что кольцо, как и подобает дорогой и прочной вещи, пережило своего хозяина и служит ныне замыслу ловких особ, желающих им воспользоваться для присвоения себе чужой собственности, – вот и всё!.. Это кольцо с печатью, подаренное князем Петром сыну своему, пред его отбытием в кругосветное плавание, – из коего он не вернулся и ни разу не писал, – значит даже в нашей семейной хронике. Ведь я сам немного в родстве с князьями Рамзаевыми... Я даже прекрасно помню, как покойница матушка моя рассказывала, что её мать ужасно любила своего кузена, Поля Рамзаева, – чуть не заболела от горя, когда он пропал. Будучи совсем старушкой, бабушка не могла рассказывать без слёз об умилительном прощании старика Петра Павловича с уезжавшим сыном. Старый князь тогда же дал ему это гербовое кольцо, сняв с своего пальца. И ладанку, с образом Петра и Павла, снял с груди и надел на него...

– Ну вот-с, как хорошо! Вы сами изволите помнить! – прервал моряк. – Об этом образке госпожа Рамсей тоже мне рассказывала: муж её после смерти отца носил его несколько лет на груди. Ведь его также звали Петром, в честь деда...

– Так куда же девался этот образ? – спросила я.

– Затерялся, – добродушно пожал плечами Торбенко. – На ночь маленький князь снимал его, и вот, было ему лет десять, когда случился у них пожар и всё имущество их, все бумаги

и документы сгорели... Вдова Рамзаева или Рамсей, – как их прозвали на английский лад в Америке, – едва могла спастись со своим сыном... Всё погибло. Погибла и ладанка. И кольцо не уцелело бы, если б вдова князя Павла не носила его сама постоянно... В этой гибели и заключается причина молчания его наследника, Петра Рамсея. Добродушный и скромный был он человек! – с улыбкой продолжал объяснять моряк, обращаясь ко мне лично. – Утратив доказательство на принадлежавший ему титул, князь Пётр оставил и помышлять о правах на восстановление своей личности в России. К тому же, он сжился со вторым своим отечеством, Америкой, до такой степени, что пожалуй и сам бы забыл, кто он такой, ежели бы ему не попалась публикация... Обрывок старой газеты, о которой я говорил супругу вашему.

– Но я не слышала... Какой газеты? – спросила я, сильно заинтересованная.

– Английской газеты, в которой делался вызов наследникам князя Павла, – объяснил мне муж.

– Ах, как же!.. Я знаю. Такие вызовы и заявления о капитале положенном на имя их прадедушкой – много лет печатались в русских и иностранных газетах...

– Да знаю! – нетерпеливо прервал Юрий Александрович, продолжая ходить и вертеться по кабинету, как лев по клетке. – Знаю!.. Чуть ли не моя бабушка, – та самая, что питала романтическую страсть к кузену Полю, – и следила за их печатанием. Но никто, никогда, на них не откликнулся.

– Я сам читал такое заявление, – сказал Торбенко. – Оно хранится у вдовы вашего дядюшки...

– Что ни мало не доказывает, что хранящая его особа есть точно вдова князя Петра Рамзаева – Петра номер второй! – насмешливо заметил муж мой. – Скажите сами, не удивительно ли, что, прочитав об этом, князь Рамзаев – если это был он – не заявил о себе?

– Он заявлял! Уж это извините!.. Он несколько раз писал на имя деда, но письма его, вероятно, не доходили... Вы сами изволили, помнится, сказать, что старый князь, пережив всех детей своих, впал в детство и последние годы не мог действовать самостоятельно.

– Это правда, но его окружали люди честные и правоспособные...

– Его родная дочь, бабушка моя Коловницына, распорядилась всем, – прервала я мужа. – Она, полагать надо, горевала о брате не менее его самого и радостно схватилась бы за всякую о нём весть...

– Быть может, при жизни её, о Рамзаевых ещё и не было вестей... – вставил Торбенко.

Но я не дала ему договорить:

– Помилуйте! Когда бабушка умерла, её сын, отец мой, был уже взрослый человек, и смею уверить вас, что он не совершил бы дурного дела ни из-за какого наследства! – вскричала я горячо. – Если бы хоть одно письмо дяди Павла или сына его было получено, оно не осталось бы без последствий и без ответа.

– Не сомневаюсь в том, сударыня. Это доказывает лишь то, что письма князя Петра не доходили до него.

– Куда же могли они деваться?

Моряк только развёл руками.

– О, если бы я мог ответить на ваш вопрос, сударыня!.. Я не сомневаюсь, что будь у вас в руках хоть одно из многих писем, которые князь Пётр, по уверению вдовы его, писал своему деду, бедная маленькая Елена Рамсей вошла бы в права княжны Рамзаевой и получила бы своё состояние.

– Елена, говорите вы?.. Её зовут Еленой? – удивилась я. – Это тоже наше семейное имя. Так звали бабушку, так зовут и меня.

– Ни мало не дивлюсь, – отвечал моряк, пожимая плечами с добродушной улыбкой. – Отец Елены Рамсей стал чистокровным гражданином Соединённых Штатов; но его отец, князь Павел, до самой смерти своей был русским и свято хранил все предания и заветы своей семьи и

своей родины. Пётр Павлович вероятно не раз слышал от отца рассказы о семейных преданиях и знал семейные имена ваши... Вот вам ещё доказательство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.